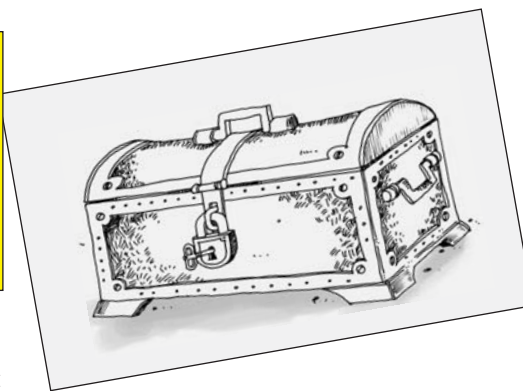

Обучение грамоте в русской школе XVI—XVII вв.*

А.А. Штец

Большинство отечественных букварей вплоть до конца XVII в. в целом строились так же, как и книги для обучения грамоте Ивана Федорова. Изменения касались в основном отбора учебного материала (складов, слов, текстов) и оформления букварей. Разработанная Иваном Федоровым методическая система обучения грамоте определила характер всего начального образования в России на протяжении 150 лет. Очевидно, по этой причине некоторые историки сегодня считают, что «в целом в XVII веке в начальном обучении не произошло каких-либо значительных перемен. Обучение грамоте традиционно осуществлялось в семье, у домашнего учителя, в училище или индивидуально у "мастера грамоты", при монастырях и церквях» [4, с. 159]. Безусловно, формы массового начального обучения в XVII в. не претерпели значительных изменений, однако в его организации и содержании все же происходили перемены, которые приобрели существенное значение для развития отечественной букваристики.

В первую очередь необходимо отметить изданные Московским печатным двором Часовник (1643 г.) и учебную Псалтырь (1645 г.). Их выход знаменовал собой событие огромного значения: впервые в состав этих учебников включается специальная статья «Наказание ко учителям, како учить детей грамоте и како детям учиться божественному писанию и разумению». По своему содержанию статья представляет собой развернутые методические рекомендации, в которых даются указания, чему

и как учить детей. Цель формулируется так: «Учителем, иже учат младых отрочат грамоте, како им подобает искусство имети в словесех и в речех и в пословицах, чтобы учеником их было в научение, и во извещение разума...».

Принципиально важным в таком целеполагании является то, что грамота воспринимается уже в совершенно новом ключе. Если в официальной церковной литературе она понималась как мудрость, полученная через божественную благодать и направленная на постижение божества, то в «Наказании...» – как средство «извещения разума» отрокам. Эта чисто светская цель образования явно отражает позицию русских еретиков, сформулированную еще в «Написании о грамоте» (XVI в.). В частности, грамота объявлялась ими порождением человеческого ума и одновременно «путем к изяществу», она дает «умного вольное разумение и разлучение добродетели и злобы» [5, с. 343]. Следовательно, в отечественной букваристике явно намечился переход от средневекового образа мышления и соответствующих ему традиций обучения к сознанию нового времени и методике обучения грамоте как прикладной нерелигиозной отрасли знаний.

Составители «Наказания...» четко регламентируют последовательность обучения, указывая, что учить «подобает... младых детей... в начале буквам, сиречь азбуке, потом же часовники и псалтыри». При этом рекомендуется

* Продолжение публикации серии статей. Начало см. в № 3, 4 за 2008 г.

«паче всего» «наказати и изучити учеником: азбука чисто и прямо по существу, како которое слово речию зовется, и не спешно». Особые требования предъявляются и самому учителю: «А и самим бы вам знати же естество словес и силу их разумети...». Достаточно определенно формулируется и результат такого обучения: «И учеником будет крепость в языке, и в смысле – разум, и в речении языка – чистость». Как видим, основные задачи обучения осмыслены как теоретически, так и с точки зрения практического решения. Для развития методики обучения грамоте как функциональной системы «Наказание...» может расцениваться как начало формирования ее программного обеспечения, от которого зависела устойчивость всего начального образования.

Подтверждает данный вывод букварь, написанный неизвестным автором в конце XVII в., в который также была включена методическая статья «Преднаказания детей» [2, с. 739–762]. Примечательным в ней было то, что автор предпринял осознанную попытку усилить в обучении функцию звукового анализа. Он рекомендовал, например, между названиями букв и слитным произнесением слога делать маленькую паузу, очевидно, чтобы облегчить ученикам восприятие звучащего слога. Кроме этого, методист рекомендует освободить буквы гласных звуков от их названия и сообщать ученикам их чистый звук: «Подобает коеждо писмя глаголати, яко оно глас свой творит...».

Интенсивное развитие содержания обучения грамоте происходило и в самих букварях. Анализ новых букварей, среди которых впервые появляются московские, показывает, что они представляли собой оригинальные методические системы, существенно обогащавшие принципы, заложенные Иваном Федоровым. Более того, в некоторых букварях и азбуках предпринимались попытки реализовать идеи, которые сохраняют свою актуальность и сегодня.

Уже в букваре, напечатанном в типографии Виленского Святоду-

ховского братства в г. Евье в 1618 г. («Букварь языка словенска, писаний чтения учитися хотящим в полезное руководство»), обнаруживается целый ряд любопытных деталей. Букварь состоит из 52 страниц, и в его структуре, кроме принятых сведений об алфавите под рубрикой «Буква али письмена», слогах, грамматике и т.п., дается материал для обучения словообразованию, а также отдельный раздел «Число», в котором приводятся примеры написания цифр с помощью букв кириллицы.

Существенные дополнения внесены в раздел, посвященный слогам. Принципиальное отличие заключается в том, что в букваре дается не только более полная система различных типов слогов, но и их классификация. Так, раздел начинают «слози двописменнии от согласных начинаемыи» (*ба, ва, га, ...*), затем следуют «слози двописменнии от гласных начинаемыи» (*аб, ев, иг, ...*), далее «слози триписменнии» (*ала, гла, ...*). Отдельно выделены рубрики «Во исправление языка от рочата слози необычнии» (*бва, бве, гзи, ...*), «слози знаменательнии триписменнии» (*тма, мна, здо, ...*) и «слози сливаемые» (*рай, май, гай*). Завершают слоговую систему «слози четверописменнии» (*есль, яждь, ...*), «слози пятиписменнии» (*часть, десять, ...*) и даже «слози шестиписменнии» (*скорбь, твердь, ...*). Порядок расположения типов слогов учитывает возрастание уровня их сложности, что создает предпосылки для формирования у начинающего чтеца полной системы действий, обеспечивающей чтение любых по сложности слов. Но самое главное в такой системе, на наш взгляд, другое. **Впервые в отечественной букваристике характеристика слогов опирается на принцип звукового анализа:** в частности, противопоставления слогов, начинающихся с согласных и гласных звуков. В методике обучения грамоте это был колоссальный шаг вперед, поскольку значительно повышал уровень осознанности учащимися процесса.

Кроме того, в евьевском букваре был расширен и уточнен раздел первоначальных сведений по грамматике. Он разделен на две рубрики: «Парадигмата» знакомит с пятью склонениями «имени» в старославянском языке (четыре для имени существительного и одно для имени прилагательного); «Спряжение» – с таблицей спряжения глагола «быть» во всех формах, с причастием и деепричастием.

Продолжили развитие отечественной букваристики буквари Спиридона Соболя (могилевский 1619 г. и кутеинский 1631 г. издания), а также московские буквари Василия Бурцова (1634–1657 гг.).

В могилевском букваре Спиридона Соболя грамматический материал под рубрикой «В исправлении языка отроцате, слози словес под титлами» рассматривается в новой практической плоскости: примеры «имени» (существительных и прилагательных) иллюстрируют часто употребляемые слова и производные от них с общим корнем в единственном и множественном числе (*учитель, ученик, ученица* и т. п.). Другими словами, **в качестве материала для чтения используются гнезда однокоренных слов и их форм.** С точки зрения специфики задач обучения синтетическому чтению этот способ группировки дидактического материала приобретает особую ценность, так как он явно стимулирует в чтении целых слов процессы смыслообразования, то есть реализует **принцип освоения смыслового чтения.**

В кутеинском букваре («Букварь сиречь начала учения детям начинающим извекати») впервые даются первоначальные сведения о стихосложении, а это уже реальный шаг в сторону методического обеспечения новой содержательно-целевой линии в обучении грамоте – **развития речи.** Безусловно, движение в этом направлении значительно повышало в первую очередь творческий потенциал обучения и его развивающие возможности.

Заметные изменения обнаруживаются и в первых московских бук-

варях Василия Бурцова. При их оформлении автор использовал несколько кириллических шрифтов (в том числе и полууставный) и не только черного, но и красного цвета, множество гравюр-иллюстраций, заставок и концовок. Например, в букваре 1635 г. впервые появляется небольшая гравюра, на которой изображены учитель и сидящие за столом ученики. Использование двухцветных шрифтов позволило выделить отдельные существенные части учебного материала. Многие тексты начинаются с буквы черного цвета, а остальная часть оформлена красным. Все эти элементы создавали особый характер книги как первого учебника, рассчитанного на детское восприятие.

Особо следует остановиться на своеобразии содержания букварей Василия Бурцова.

Первый из них с общим названием «Начальное учение человеком хотящим разумети божественнаго писания» (1634 г.) в целом еще повторяет структуру и содержание известных букварей Ивана Федорова. Он начинается традиционной азбукой с прямым порядком букв, обратным и вразбивку. Далее следуют двух- и трехбуквенные слоги и слова. За ними даются названия букв, а также буквы в числовом значении, надстрочные знаки («просодия верхняя») и знаки препинания. Затем предлагаются традиционные статьи по грамматике, примеры сокращений и акростих. Кроме этого, в него добавлены названия букв, «верхняя и нижняя просодия»; текстовая часть расширена тремя выдержками из Ветхого Завета, а сам букварь завершается послесловием, как это было принято в московских старопечатных книгах.

Московский букварь 1637 г. уже отличается самостоятельной и оригинальной хрестоматийной частью. В нем даются два варианта предисловия: обычное в таких случаях начало «Предисловие въкратце первоучебней сей малей книжице азбуце» и специальное обращение к «младым детям» – впервые в стихотворной форме:

вплоть до настоящего времени. Лист букваря по сути представляет собой однотипную систему учебных иллюстраций, которая в целом включает различные начертания буквы, дополнительные рисунки и текстовые иллюстрации, как правило, в виде нравоучительных стихов. Необходимо отметить и необычайную насыщенность книги поэтическими текстами, начиная с первого выходного листа, написанного почти целиком стихами, и заканчивая тремя молитвами также в стихах.

Собственно свое название «Лицевой букварь» книга получила благодаря специальным «лицевым» изображениям букв: вверху страницы помещены изображения людей, стоящих с различными предметами и в различных позах, которые напоминают форму той или иной буквы. Например, буква «еры» изображает человека с курительной трубкой, «кси» – фигуру змея с двумя человеческими туловищами, «ижица» – Юдифь с отрубленной головой Олоферна.

Даже беглый анализ содержания букваря показывает, что в методическом плане изучение каждой буквы начиналось с формирования у школьника целостных представлений о ее графическом образе и причём в двух плоскостях: 1) в сопоставлении нескольких кириллических вариантов; 2) в противопоставлении кириллицы с греческой, латинской и польской графикой. Весьма ценно, что при таком подходе формирование графического образа букв осуществляется с помощью «лицевых» иллюстраций, позволяющих ребенку запоминать форму буквы по аналогии с предметами окружающей действительности, легко представляемых в воображении. Иначе говоря, перед нами особый вид иллюстрации, важнейшая функция которой – формирование у ребенка, в том числе и с опорой на его жизненный опыт, целостных представлений об образе букв.

Принципиально новую обучающую функцию выполняют и помещенные под буквами предметные иллюст-

рации-рисунки. Каждая буква сопровождается примерно десятком изображений самых разнообразных предметов: животных, растений, предметов обихода, оружия, одежды, церковной утвари и т.п. Предметы подобраны с учетом первой буквы и, следовательно, ее звуковых значений в словах, называющих эти предметы. Например, буква В иллюстрируется рисунками вепря, ворона, винограда, ведра и др.; буква К – кипариса, кита, колокола, ключа, кувшина, кукушки, коровы и др. Здесь впервые внимание ученика сосредоточивается не только на графике и названиях букв, но и с помощью иллюстраций на их связи с отдельными звуками, которые буквы могут обозначать в словах. Это давало возможность ученику «абстрагировать» звуки, то есть связывать звуки речи с определенными буквами.

Завершается каждая страница стихами, в которых упоминаются изображенные на рисунках предметы. Например, буква К сопровождается стихотворением:

Како кто хочет видом си познати,
В первых вещей сих будет то писати.
Киты суть в морях, кипарис на суши.
Юный отверзай в разум твоя уши.
В колесницу сядь, копием борися,
Конем проезжай, ключем отприся.
Корабли в воде, а в дому корова,
И кокош в требу и людем здорова.
Отложи присно тщеты недосуги,
Колокол слушай, твори в небе други.

Текстовый материал непосредственно связан с изучаемой буквой: он иллюстрирует употребление конкретной буквы в печатном слове и в контексте предложения, стимулируя попутно расширение лексикона учащихся. Так вокруг каждой буквы создается учебная тема, максимально полно демонстрирующая букву в ее различных связях и звуковых значениях.

По существу, в Лицевом букваре были применены новые методические принципы наглядного обучения: «Воплощая принципы наглядного обучения, разработанные выдающимся

чешским педагогом Я. Коменским, Истомин попытался создать букварь, в котором занимательные и ясные для понимания рисунки, сопровождаемые стихами, помогли лучше усвоить азбуку» [3, с. 18]. Оценивая методическую систему Кариона Истомина, С.П. Редозубов заметил: «Правда, буквосложение оставалось, многое было для учащихся непонятно, но все же в качестве меры, заставлявшей учащихся прилежно изучать грамоту, применялась, как видим, не только розга, но и рисунки, и целый ряд методических приемов, облегчавших учащимся усвоение грамоты» [6, с. 6–7]. Тем не менее эти очевидные достоинства методической системы сразу же в отечественной букваристике не закрепились. Даже сам Карион Истомин во втором своем букваре 1696 г. фактически возвращается к традиционному построению учебников.

Второй букварь он создавал непосредственно для малолетнего царевича Алексея. По своему содержанию учебник перекликается с букварем Симеона Полоцкого (1679 г.): учебная часть включает азбуку, написания букв, двух- и трехбуквенные слоги, трехбуквенные слова, сокращения, надстрочные знаки, знаки препинания и цифры. Истомин заимствует также несколько молитв и «Приветства». Однако в целом букварь принципиально отличается значительно большим количеством использованных стихотворений. Это стихотворения, посвященные праздникам Пасхи, Рождества, Успения и собственно царевичу Алексею. После поучений Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста дается стихотворение «О учении приветство». На наш взгляд, именно с букварей Кариона Истомина в отечественной букваристике **начинается традиция обучения первоначальному чтению и на поэтических текстах.**

Таким образом, к концу XVII в., благодаря фактору распространения книгопечатания, а также влиянию идей европейского образования и педагогической мысли, в отечественной букваристике разрабатывается

целый ряд оригинальных учебных книг, которые знаменовали собой **появление в методике обучения грамоте первых методических систем**, опиравшихся на собственные методические принципы обучения первоначальному чтению (письму) традиционным буквослагательным методом. Начиная с первой методической системы обучения грамоте Ивана Федорова, в структуре технологических законов обучения грамоте постепенно закрепляются методические принципы, которые по своему значению выходили далеко за пределы требований буквослагательного метода.

Безусловно, методические принципы обучения грамоте в XVI–XVII вв. не имели своего теоретического (научного) обоснования и поэтому были неустойчивы. Как показал исторический анализ, порой сами авторы отказывались от них. По существу, они выступали в виде отдельных методических идей, и понадобились многие годы, а то и столетия, чтобы эти методические идеи были по достоинству оценены и по праву заняли свое место в теории методики обучения грамоте.

Литература

1. Галкина Э.З. Русские художники детской книги. – М., 1963.
2. Извеков Д. Букварная система обучения в исходе XVII и начала XVIII ст. // Семья и школа. – 1872. – № 4.
3. Истомин Карион. «Букварь» // Начальная школа. – 2004. – № 9.
4. История педагогики и образования / Под ред. А.И. Пискунова. – М., 2001.
5. Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI веков. – М., 1960.
6. Ушинский К.Д., Вахтеров В.П., Флеров В.А. Об обучении грамоте. Основы звукового метода. – М., 1941.

Александр Александрович Щтец – канд. пед. наук, профессор Мурманского обл. ин-та повышения квалификации работников образования, чл.-корр. Междунар. академии наук пед. образования.